

У нас было две войны

Марк СОЛОНИН, писатель, историк, автор книги «22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война»

То, что случилось 65 лет назад, 22 июня 1941 года, стало началом самой крупной и, пожалуй, самой позорной катастрофы за весь период советской истории. И хотя советская пропаганда это чувство стыда, позора пыталась на протяжении десятилетий смыть, изгнать — причем в полном соответствии с желанием самого народа! — эта тема подсознательно до сих пор не дает нам покоя. Советская пропаганда предложила народу версию, прямо противоположную правде, но очень удобную: многократно превосходящий противник набросился на беззащитную страну, мы были не готовы, одна винтовка была на двоих и так далее. Эти абсурдные тезисы давно опровергнуты цифрами и фактами (абсолютное превосходство было в 1941 году как раз у СССР над вермахтом — не только в живой силе, но и в технике). Однако они настолько въелись в российское сознание, что их повторяют даже те, кто своими глазами видел сотни тысяч бойцов и командиров, добровольно сдававшихся в плен, и фронтовые дороги, заваленные новехонькой брошенной техникой. Это нежелание сказать себе правду о войне до сих пор является чем-то вроде общего комплекса...

А правда, которую так не хочется признать, такова: множество советских людей, запуганных и доведенных до нищеты сталинским режимом, потерявших нравственные и моральные ориентиры, в 1941 году не хотели воевать и погибать за ТАКУЮ власть. За власть, которая лишила человека всех прав и свобод.

Большевистскую власть многие ненавидели — но до 41-го сталинская глыба казалась несокрушимой. И когда в 41-м глыба неожиданно пошла трещинами, было множество тех, кто сделал свой выбор не в пользу советской власти. Это и была самая страшная неожиданность, с которой режим столкнулся в 1941 году. Я уверен, что разгром Красной армии в 41-м произошел именно потому, что большая часть действующей армии просто отказалась воевать. Скажем, так: и не умела, и не хотела. Не была обучена и не имела мотивации. Не доверяла своим командирам и политработникам.

До сих пор трудно противостоять той огромной махине официальной военно-исторической науки, которой сегодня руководят те же люди, что и при советской власти, — только таблички на дверях поменяли. В результате почти все, что было рассказано о войне неизвестного или нового в последние 15 лет, было сделано людьми, находящимися вне официальной военно-исторической науки, или теми, кто работает в ее низовом звене. Назовем лишь наиболее достойные из исследований — «Упущенный шанс Сталина» Михаила Мельтюхова, работы Владимира Невежина и историка-любителя Алексея Исаева, книга «41 год. Документы», выпущенная фондом Александра Николаевича Яковлева, книга Григория Кривошеева «Гриф секретности снят» — о потерях советских Вооруженных сил.

Между тем историк без архивов — это все равно что авиаконструктор без аэродинамической трубы: можно умничать на кухне и рисовать самолетики, но без испытаний самолет не построишь. Однако свободного доступа к архивам — в частности, к основному, Центральному, архиву МО в подмосковном Подольске —

по-прежнему нет. Архив находится в ведении Минобороны, а стало быть, доступ в него простым смертным закрыт. В перестроечные годы что-то было обнародовано, однако основная документация о Великой Отечественной до сих пор не рассекречена, хотя гриф секретности по всем законам истек еще 30 лет назад. Это абсурд вообще-то: засекречен даже текст (!) советских листовок, которые разбрасывали над немцами. Архивы превратились в личную коллекцию руководства Минобороны, причем иногда кое-что из архива просачивается на Запад и публикуется там. Это же касается и трофейных документов вермахта. Засекречена также вся предвоенная документация — в противном случае никакой полемики вокруг скандальной книги Суворова не было бы.

Таким образом, историкам-энтузиастам приходится восстанавливать историю войны, как динозавра по его останкам. И чуть ли не по костям, извините за кощунство.

Слава богу, живы еще ветераны. Вольшинству из них уже за 80, но среди них много людей в здравом уме и твердой памяти, Бог дал им крепкое здоровье.

Их надо расспрашивать, пока они не ушли от нас. Но их надо правильно спрашивать. Наши ветераны, привыкшие к встречам с пионерами в красных уголках, как правило, начинают рассказывать о войне клишированным, суконным языком политпропаганды — не будем их судить, их так приучили. Но если ты убедишь их, что тебе нужна правда, а не пересказ книг, они раскрываются. И тогда начинаются совсем другие «рассказы»... А дальше нужно сопоставлять,

систематизировать услышанное и делать собственные выводы.

В чем же для нас главный урок 41-го года? Чему он нас учит? Никогда эта простая мысль не была так ярко проиллюстрирована, как в начале войны: воюют не танки, а танкисты. Не самолеты, а летчики. Не пушки, а артиллеристы. Государство, которое заботится о своей боеспособности, должно думать прежде всего о людях, из которых состоит армия. Материальное превосходство ничего не дает, если государство не уважает людей, если человеку нечего защищать и не за что умирать. Есть и второй урок 41-го года, менее очевидный и парадоксальный: тоталитарный режим не способен создать порядка. Так называемый железный сталинский порядок — миф. Июнь 41-го года ярко продемонстрировал, что наиболее уместным выражением о том времени было бы — «сталинский бардак»: режим не только не смог создать мотивации, но не способен был даже обеспечить простой канцелярский, казарменный порядок.

22 июня — это лакмусовая бумажка, символ хрупкости и слабости тоталитарного режима. А у нас до сих пор думают, что демократия и права человека — это способ разрушить державу, расшатать ее. Все обстоит ровно наоборот.

Строго говоря, нужно наконец понять, что у нас с 41-го по 45-й была не одна, а две войны. Совершенно разные войны. Это потом уже позорная и героическая, Отечественная, усилиями пропаганды были слиты в одну.

Просто фашистский режим оказался еще более жестоким, чем советская власть.

Сталину достался именно тот противник, с которым он мог справиться: еще более бесчеловечный, бесконечно далекий от представлений о гуманизме и правах человека. И поэтому Отечественную войну, которая началась примерно на рубеже 1942 — 1943 годов, действительно выиграл народ, который, однако, воевал и погибал не за усатого и не за мировую революцию, а за себя, мстя за погибших в плену товарищей и замученную гитлеровцами семью. И не благодаря, а вопреки режиму дошел в 45-м до Берлина.